

После получасового дневного сна Чэнь Цы проснулся от резкого звонка.

Он поднялся сам, разбудил заспанного брата и вышел на балкон за олимпийкой Фу Тяньхэ.

Место на спине, где пришлось выводить пятно, уже высохло — от следа краски не осталось и намёка.

Братья снова поменялись местами: окончательную обратную рокировку запланировали перед третьим уроком, на котором у Чэнь Няня числилась живопись.

Стояло жаркое лето, и дежурные на школьных воротах сквозь пальцы смотрели на строгость формы. Чэнь Цы добрался до кабинета, аккуратно сложил олимпийку и положил её на стол Фу Тяньхэ.

Минут через пять в класс с шумным смехом ворвались спортсмены. Первым делом Фу Тяньхэ бросил взгляд на парту Чэнь Цы, и их взгляды скрестились.

Фу Тяньхэ расплылся в широкой улыбке.

Чэнь Цы лишь опустил взор, ничего не сказав — словно обеденного происшествия и в помине не было.

Приятель о чём-то оживлённо болтали, но Фу Тяньхэ их уже не слушал. Увидев на столе чистую форму, он тут же подошёл и взялся за ткань.

Выстирана безупречно: ни отпечатка, будто и не пачкалась вовсе.

Поддавшись странному порыву, Фу Тяньхэ уткнулся лицом в куртку и жадно вдохнул.

Легкий, едва уловимый запах масляных красок.

В классе училось полно художников, но Фу Тяньхэ редко чувствовал от них подобный аромат: обычно все писали гуашью или акварелью. А краски, что доставал в обед Чэнь Нянь, похоже, действительно были масляными.

Убрав олимпийку, Фу Тяньхэ уселся на свой поваленный стул. Бесконечным ногам было тесно под партой, и, переступив, он тихонько толкнул носком переднюю ножку стула Чэнь Цы.

— Спасибо, — прошептал он.

Спина Чэнь Цы даже не шелохнулась, словно юноша ослышался.

Он слегка склонил голову над книгой. Из-за белого воротника футболки виднелась изящная светлая шея, а аккуратно подстриженные тёмные волосы открывали мочку правого уха. Фу Тяньхэ заметил прямо за ушной раковиной крошечную родинку, спрятанную в самом незаметном месте.

«О чём там говорят родинки за ухом? Кажется, к богатству... и упрямому нраву?»

Поглазев ещё мгновение, Фу Тяньхэ наконец отвёл взгляд и вытащил из стопки учебник по физике. Первым уроком шла его любимая предметная дисциплина, и ему как старосте следовало зайти в учительскую — узнать, не нужно ли принести наглядные пособия.

Чэнь Цы, разумеется, услышал благодарность.

Но просто не знал, как реагировать.

По-хорошему, это ему следовало благодарить Фу Тяньхэ: не подвези тот его на скутере, Чэнь Цы едва успел бы пообедать и поспать, да и олимпиаду испачкал именно он.

Но если начать рассыпаться в любезностях, уйдёт слишком много времени. Поэтому Чэнь Цы предпочёл промолчать.

За пять минут до звонка Фу Тяньхэ поднялся и вышел, а чуть позже вернулся с кружкой, методичками и планами уроков, разложив всё на учительской кафедре.

Только тут Чэнь Цы понял, что тот — староста по физике.

— У него по физике отличные оценки, — вполголоса шепнула Гуй Чжици. — Несколько раз он оказывался единственным не из элитного класса, кто написал работу на максимальный балл. Жаль только, что с остальными предметами беда: за последнюю контрольную по химии он еле тридцать баллов наскрёб.

Чэнь Цы вспомнил, о какой задаче по химии Фу Тяньхэ спрашивал его в обед.

— Почему же он тогда выбрал точный профиль? — спросил Чэнь Цы.

— Так по гуманитарным у него ещё хуже! — фыркнула Гуй Чжици. — За историю или географию он вообще может однозначное число баллов получить.

— За историю? Однозначное? — Чэнь Цы замер на пару секунд. — Да если в тесте ставить варианты наугад, и то больше выйдет.

— В том-то и дело! Он решает абсолютно честно — и делает ошибки абсолютно во всех вопросах.

Чэнь Цы: «...»

Коли у Фу Тяньхэ за химию всего тридцать баллов, то при любых успехах в физике и биологии комплексный балл по естественным наукам вряд ли превысит двести тридцать. А с учётом потерь на китайском, математике и русском, общий результат составит около пятисот пятидесяти или пятисот восьмидесяти баллов.

Для обычного спортсмена такой результат по общеобразовательным предметам — просто подарок небес. Если нормативы не подкачают, по суммарному баллу он легко наберёт за шестьсот двадцать.

С такими цифрами открыты двери практически любого спортивного вуза страны.

Однако Фу Тяньхэ слеп на один глаз, да ещё и с удалённым глазным яблоком.

Этот изъян перекрывал ему слишком много путей. И спорт для него был далеко не лучшим выбором.

«Впрочем... к чему мне эти размышления? Какое мне до этого дело?»

Чэнь Цы выбросил лишние мысли из головы и сосредоточился на проверочном тесте.

— Добрый день, — улыбнулся сидевший на своём месте Чэнь Нянь, едва наступил полдень.

Шафулай слегка кивнул:

— Добрый день.

Чэнь Нянь изо всех сил попытался рассказать по-русски, как ходил в столовую. Шафулай, держа в руке ручку, продолжал расписывать на черновике решение задачи.

При том темпе речи, с каким говорил Чэнь Нянь, Шафулай вполне мог слушать и отвечать, не отрываясь от работы, но он всё равно внимательно смотрел парню в глаза, ловя каждую деталь произношения.

Под конец Чэнь Нянь сам смущённо улыбнулся:

— Не получается... Не выходит у меня раскатистый «р».

— Ничего страшного, многие русские тоже не выговаривают этот звук, — Шафулай повернулся к нему, чтобы получше показать артикуляцию. — Положи язык на верхнее нёбо, расслабь и медленно выдыхай... Вот так, правильно.

— А теперь добавь звук «д», — безупречно продемонстрировал Шафулай. — Р-р-р-р-р-р.

Чэнь Нянь попытался:

— Тр... тр-тр-тр... тр...

Звук вышел точь-в-точь как у заглохшего мопеда.

Наморщив лоб, Чэнь Нянь предпринял ещё одну отчаянную попытку.

В следующий миг из его рта вылетела капелька слюны. В золотистом полуденном свете она прочертила безупречно чистую дугу и метко опустилась прямо на красивое лицо Шафулая.

Чэнь Нянь: «...»

Шафулай: «...»

У Чэнь Няня перехватило дыхание.

Шафулай... Шафулай молча поднял руку и вытер щёку тыльной стороной ладони.

—... Простите, — закрыв лицо руками, выдавил Чэнь Нянь.

— Ничего, — усмехнулся Шафулай. — Потренируйся перед зеркалом. В один прекрасный день всё получится само собой.

— Угу... — Чэнь Нянь выпрямился, чувствуя, как сердце отчаянно колотится в груди.

Какое позорище! Кто вообще при первой же попытке заговорить по-русски брызжет слюной собеседнику в лицо?!

Первым уроком после обеда в элитном классе числилась английская словесность.

Учительница английского, подчёркнуто элегантная, вошла в кабинет на высоких каблуках и за первые пять минут — от порога до раскрытого учебника — не произнесла ни единого китайского слова.

Чэнь Нянь с ошеломлённым видом слушал её беглую речь с безупречными связками и беглым акцентом. Видя, как одноклассники понимающе кивают и поддакивают, он в очередной раз осознал, что пропасть между людьми бывает шире, чем между человеком и свиньёй.

Из всего потока слов он сумел разобрать только артикль «а».

Закончив с пожеланиями и требованиями на новый семестр, учительница вернулась к кафедре, раскрыла книгу и продолжила вещать по-английски.

Заметив, что Шафулай открыл пятую страницу, Чэнь Нянь растерянно перелистнул учебник на ту же страницу.

Слушая лекцию, Шафулай вдруг обнаружил, что Чэнь Нянь опять рисует.

Страница была почти полностью покрыта набросками — самые разные фигуры в динамике перекрывали печатный текст. Прячась за разворотом книги, парень надеялся остаться незамеченным, но сидевший рядом Шафулай сразу понял: сосед ловит ворон.

В голове у Шафулая вспыхнул немой вопрос.

Неужели Чэнь Цы из тех гениев, что игнорируют учителей, а потом сдают экзамены на высший балл?

Вскоре преподавательница велела разбиться на пары и отработать диалог.

Шафулай тут же повернулся к соседу. Но Чэнь Нянь продолжал увлечённо чертить карандашом, словно вообще не понял указания.

Лишь когда вокруг зазвучали голоса учеников, Чэнь Нянь с задержкой поднял голову и встретился взглядом с Шафулаем.

— You seem to really like painting, — произнёс Шафулай.

— Чего? — хлопнул глазами Чэнь Нянь.

Из всей фразы он распознал только «you» и «like».

Шафулай растерялся. Полный недоумения взгляд янтарных глаз застал его врасплох.

— Учительница велела составить диалог, — доброжелательно напомнил Шафулай.

— А-а, точно!

Чэнь Нянь прокашлялся и выудил из глубин памяти всё, что усвоил ещё в начальной школе и запомнил на всю жизнь:

— How are you? I'm fine, thank you, and you?

Шафулай: «...»

Почему ему кажется, будто его сосед вообще не знает английского?

Чэнь Нянь посмотрел на него самым невинным взглядом.

Он действительно уже тысячу лет не брался за английский, так что экспромтом выдал единственный заученный штамп. Брат-то каждый день упорно слушал утренние новости на английском, но при чём тут сам Чэнь Нянь?

«Неужели у Чэнь Цы так называемый "немой английский"?» — мелькнула догадка в голове у Шафулая.

Если раньше в его школе не уделяли внимания устной речи, такое вполне возможно: многие отлично пишут тесты, но пасуют, когда нужно заговорить.

— Может, тогда просто прочитаем текст из учебника? — предпринял попытку Шафулай.

Чэнь Нянь посмотрел на страницу.

Всё было зарисовано эскизами — он даже не соображал, где искать нужный абзац.

— Что читать? — спросил он.

— Вот это, — Шафулай указал пальцем, правда, подушечка случайно ткнулась аккурат в паховую область нарисованного мужского силуэта.

Осознав это, Шафулай тут же отдёргнул руку.

Чэнь Нянь уставился на незнакомые слова.

В средней школе с английским у него было неплохо, но в старших классах он на предмет забил.

Прочитать это он не мог.

Внутри нарастала тревога: будь на его месте брат, тот зачитал бы текст без единой заминки.

Что делать? Неужели обман раскроется в первый же день?

Шафулай ждал ответа.

Чэнь Нянь хлопал ресницами, а потом вдруг спросил:

— Как тебе мои рисунки?

От такой неожиданной смены темы Шафулай опешил.

— Хочешь, научу рисовать? — прибавил Чэнь Нянь.

— Э-э... — Подумав секунду, Шафулай кивнул. — Давай.

— Какой стиль тебе больше нравится? Реализм, американский комикс, чиби или аниме?

Прежде чем Шафулай успел ответить, учительница призвала класс к порядку.

Шафулай лишь бросил на него быстрый взгляд, давая понять, что договорят на перемене.

Чэнь Нянь облегчённо перевёл дух. Напряжённую паузу удалось сгладить.

Дальше уроки будет вести брат, так что подобных кошмарных ситуаций больше не возникнет.

Едва прозвенел звонок, Шафулай собрался продолжить разговор, но парень уже подхватил кружку и вихрем умчался из кабинета.

Вернулся он только со звонком на второй урок.

Шафулай отложил вопросы на потом и погрузился в литературу.

С литературой у Чэнь Няня проблем не возникало — родной язык как-никак.

Получив возможность нормально следить за материалом, Чэнь Нянь заметно повеселел и даже сделал пару пометок в учебнике. Всё равно программы у них одинаковые, а вечером дома они всё перепишут.

На следующей перемене Чэнь Нянь снова схватил кружку и ветром вылетел из класса.

Шафулай даже рта открыть не успел.

«Куда он так торопится?»

А торопился Чэнь Нянь на встречу с братом, чтобы поменяться обратно.

Для него, как для учащегося со специальной подготовкой, общеобразовательные уроки на сегодня закончились — впереди ждали часы в художественной студии до самого конца вечерней самоподготовки.

Братья встретились в условленном месте — на углу спортивной площадки между Корпусом Искусств и Корпусом Знаний и Действий.

Обменявшись парой коротких фраз и быстро введя друг друга в курс дела по поводу первых двух уроков, они поспешили каждый в свой кабинет.

Запыхавшийся Чэнь Нянь взбежал по лестнице Корпуса Искусств, вошёл в незнакомую студию и нашел нужный стол в третьем ряду у прохода. За соседним местом его уже ждала девушка.

Должно быть, это Гуй Чжици.

Увидев его, Гуй Чжици поднялась:

— Идём скорее, а то все хорошие места разоберут!

— Ага, бегу, — Чэнь Нянь подхватил тяжелую сумку с художественными принадлежностями.

Он мельком глянул на соседнее место сзади: стул стоял поваленным набок.

Это место принадлежало спортсмену Фу Тяньхэ — парню с протезом вместо глаза, который сейчас наверняка тренировался на стадионе.

Чэнь Нянь и Гуй Чжици во весь опор помчались в мастерскую.

Но из-за задержки при обмене местами они опоздали, и им достался только последний ряд.

— Прости, из-за меня нам не досталось нормальных мест, — виновато пробормотал Чэнь Нянь, раскладывая мольберт.

— Да брось! — махнула рукой Гуй Чжици. — С нашим уровнем хоть у самой двери сиди — всё равно отлично нарисуем.

Экзамены для поступающих на художественные специальности включают живопись, рисунок и наброски. Чэнь Нянь силен во всех трёх дисциплинах, но больше всего любил работу с цветом.

В их провинции ученики начинали знакомиться с гуашью на каникулах после первого класса старшей школы, делая простые копии, а во втором полугодии переходили к полноценным занятиям.

Академия художеств имени Ильи Репина славилась прежде всего отделением масляной живописи, поэтому Чэнь Нянь уже давно налегал именно на масло.

В теории цвета между гуашью и маслом разница небольшая, но материалы и техники в масляной живописи куда богаче и сложнее. Так что написать натюрморт гуашью для Чэнь Няня, давно освоившего масло, не составляло ни малейшего труда.

Акварель? Написать-то можно, и баллы при удачном раскладе будут высокими, но на экзамене слишком легко провалиться — попадись не та бумага, и всё пропало.

На натурном столе перед классом стояли фрукты и овощи. Учитель собирался ходить между рядами и давать указания. Чэнь Нянь, подумав, достал масляные краски.

Сдавать общие китайские экзамены он не планировал, так что предпочитал оттачивать то, что пригодится лично ему.

Привычным движением он разложил складной стаканчик, налил льняное масло и достал целый сноп кистей разной длины — колонковые, щетинные, синтетические.

Гуй Чжици, наблюдавшая за этой демонстрацией арсенала, поражённо ахнула:

— Ничего себе у тебя запасы!

— Ага, я масляными пишу.

Заметив в руках у Чэнь Няня охапку круглых кисточек, Гуй Чжици пошутила:

— Похоже на кисти для макияжа.

— Есть такое. Вот этой, наверное, удобно румяна наносить?

Каждая кисть у Чэнь Няня имелась в двух экземплярах — для тёмных и светлых тонов. Это помогало сохранять чистоту цвета, хотя и удваивало расходы на материалы.

Когда на столе разложили столько добра, внимание половины мастерской тут же оказалось приковано к его мольберту.

Среди начинающих художников мало кто с самого детства точно знал, что свяжет жизнь с живописью. Поэтому, когда Чэнь Нянь продемонстрировал столь высокий уровень подготовки, окружающие прониклись любопытством.

— Слушай, а ты правда работаешь только с этими палитрами? — поинтересовалась соседка в очках.

— Ага, этих девяти оттенков мне вполне хватает, чтобы замешать всё что угодно.

Учитель тоже обратил внимание на необычного ученика. Увидев масляные краски, он нахмурился:

— Парень, ты ничего не перепутал?

— Нет, учитель, я пишу маслом, — Чэнь Нянь вкратце объяснил, что собирается поступать напрямую в Академию художеств имени Ильи Репина.

Там готовили только живописцев-маслянщиков и графиков-гравёров, так что тратить время на другое не имело смысла.

Узнав, что ученик отказывается от участия в национальных экзаменах, преподаватель насутился ещё сильнее:

— Ты хорошо подумал? Без единого экзамена внутри страны у тебя не останется запасного аэродрома.

Перед зачислением в Академию художеств имени Ильи Репина иностранцы проходят подготовительные курсы. Поступить на них несложно, но итоговые испытания невероятно суровы — из всех претендентов на факультет попадают от силы человек двадцать.

Если срезаться, придётся терять целый год. А это колоссальная трата времени, сил и денег.

Чэнь Нянь легко ответил:

— А мне и не нужны запасные пути.

Видя такую непреклонность, учитель не стал спорить.

Он поднялся к демонстрационному мольберту. Первым заданием семестра стал один из самых коварных объектов на вступительных испытаниях — ананас.

Преподаватель поэтапно объяснял построение и тонкости работы с цветом, а Чэнь Нянь просто сфотографировал натюрморт на планшет и сразу принялся за эскиз.

Обычно на работу гуашью отводится часа три, а вот масляную живопись пишут днями.

Гуй Чжици, сидевшая рядом, вполоборота слушала учителя, а глазами следила за тем, как Чэнь Нянь намечает форму.

Она никогда не пробовала работать маслом, поэтому действия соседа казались ей настоящей магией.

Пока Чэнь Нянь сражался с ананасом, Чэнь Цы сидел на уроке биологии.

Шафулай весь час косился на соседа.

Его не покидало ощущение, что перед ним другой человек. Вроде те же черты лица, та же осанка, но... внутреннее наполнение словно подменили.

Или неужели у парня сменилась сама душа?

Он больше не вырисовывал эскизы на полях учебника и в черновиках. Вместо этого он внимательно слушал учителя и параллельно прорешивал задачник, умело делая два дела сразу.

С лица исчезла задорная, открытая улыбка, уголки бледных губ опустились, застыв в строгой линии.

Если присмотреться, даже ручку он теперь держал немного иначе.

Шафулай затруднялся ответить, виной ли тому привычка к рисованию или что-то ещё.

В общем, весь урок биологии Шафулай витал где-то далеко, пристально наблюдая за соседом.

Чэнь Цы, разумеется, заметил этот пристальный взгляд, но реагировать не спешил.

В обед Чэнь Нянь расписал Шафулая во всех красках, пробудив у Чэнь Цы лёгкое любопытство.

Всё указывало на то, что они успели сблизиться. Чэнь Цы никогда не сомневался в общительности брата.

И хотя он не знал, как именно они общались, любое неверное движение могло выдать их секрет.

Ничего смертельного в этом не было, но Чэнь Цы предпочитал держать тайну при себе — кто знает, вдруг им ещё придётся поменяться?

Урок биологии подошёл к концу. Чэнь Цы как раз закончил экспресс-тест и сверился с ответами.

Увидев, что в тетради соседа нет ни единого исправления красной ручкой, Шафулай замер с открытым ртом.

Это сто баллов из ста.

Появвшись немного, Шафулай всё же решил проверить догадку:

— Прошу прощения, — произнёс он по-русски.

Чэнь Цы замер.

Он часто слышал, как брат учит русский дома, но сам им не владел.

Он в упор посмотрел на Шафулая и спросил:

— Что?

— Мне нужно выйти, — Шафулай приподнял свою кружку.

Чэнь Цы молча поднялся, давая соседу пройти.

Шафулай вышел в коридор с полнейшим хаосом в голове.

Фраза была из самого базового обиходного русского — Чэнь Цы просто не мог её не знать.

Что вообще происходит?

Освободив место у окна, Чэнь Цы остался стоять и бросил случайный взгляд во двор.

На беговой дорожке стадиона он увидел знакомую фигуру.

Фу Тяньхэ переоделся в спортивную майку и шорты. На его крепких, мускулистых руках играли золотистые лучи предзакатного солнца. Ветер зачесал тёмные волосы назад.

Толчок, шаг — и тело, подобно молнии, неслось по алому пластиковому покрытию.

Чэнь Цы не видел выражения его лица, но почувствовал, что бежит тот легко и без лишнего напряжения.

У края поля собрались ученики, ждавшие своего урока физкультуры, да и на балконах учебного корпуса выстроились пятиминутники. Первые тренировки у спортсменов не отличались жесткостью, но все равно зрелище завораживало.

Особенно Фу Тяньхэ — он буквально притягивал к себе все взгляды.

С самого старта он вырвался в лидеры и не позволил никому даже приблизиться до самого финиша.

Пересекая черту, он постепенно сбавил ход и оглянулся назад.

Чэнь Цы не слышал гула стадиона, но по оживлению в толпе догадался: финиш Фу Тяньхэ вызвал нешуточный восторг.

Спортсмен подошёл к брускам, взял свою бутылку и жадно сделал несколько глотков через соломинку.

— Молодец, Тяньхэ! За лето только прибавил, — к нему подошел учитель физкультуры с

секундомером и журналом. — Тренировался, да?

— Ага, на каникулах каждый день бегал, — Фу Тяньхэ привычно улыбнулся во весь рот. — Выносливость вроде получше стала.

— Держи темп. Попробуем в этом учебном году замахнуться на разряд мастерства — оформим тебе звание спортсмена первого национального класса, — одобрительно произнёс учитель. — Ситуация у тебя непростая, так что придется заранее с организаторами соревнований утрясти вопрос с заявкой.

Фу Тяньхэ кивнул.

По-хорошему, при соответствующей подготовке ничто не мешало ему участвовать в обычных стартах: потеря глаза бегу не помеха. Но бережёного бог бережёт, лучше подстраховаться заранее.

Чэнь Цы всё так же смотрел вдаль, когда вернулся Шафулай.

Заметив, как увлечённо сосед разглядывает стадион, Шафулай тоже проследил за его взглядом.

Там тренировались спортсмены.

«Чэнь Цы постоянно рисует обнажённую натуру... Должно быть, такие рельефные фигуры ему как художнику особенно интересны?»

Шафулай держал в руках кружку и молча стоял рядом.

Заметив, что вот-вот прозвенит звонок, Чэнь Цы отвернулся от окна.

И тут же наткнулся на стоящего за спиной Шафулая.

Чэнь Цы: «...»

Шафулай: «...»

Их взгляды встретились. Шафулай первым отступил в сторону, пропуская Чэнь Цы, а затем сам скользнул на своё место у окна.

— Смотришь, как они тренируются? — спросил Шафулай.

— Угу.

И это весь ответ?

Шафулай чуть не поперхнулся от неожиданности.

Они ведь были знакомы всего полдня, но успели договориться вместе учить русский, да и Чэнь Цы обещал научить его рисовать! С чего вдруг такое ледяное отчуждение?

Шафулай с осторожностью поинтересовался:

— Чэнь Цы, ты себя плохо чувствуешь?

— Нет.

Шафулай: «...»

На мгновение Шафулай усомнился в реальности происходящего.

Он принялся отчаянно вспоминать, чем мог так сильно обидеть соседа.

<http://bllate.org/book/20665/2106398>